

ФИЛОСОФИЯ

В. М. Золотухин

*доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права
Кузбасский государственный технический университет*

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ

Рассматривая толерантность как определенный принцип поведения, некий стандарт и ориентир, мы ориентируемся, прежде всего, на то, что ее ценности, значимость и воспроизводство осознаются не только самим обществом, но и институтами государственной власти. В том числе, в правовом пространстве ей отведена роль правовой защищенности человека, предоставление каждому возможностей для экономического и социального развития без какой-либо дискриминации.

Исходя из того, что этические модели правового поведения, по мнению Д. Ж. Валева, рассматриваются в «двух аспектах: 1) этические модели правотворчества; 2) этические модели правоприменения» [1], толерантность как модель социального поведения, с одной стороны, должна вырабатываться законодательными органами государств, а с другой – быть нормой поведения для каждого члена общества, которая не только существует как декларация желаемого, а как потребность, без которой нельзя строить «нормальные» отношения между людьми.

Из того, что мир сегодня такой, какой есть, следует, самое меньшее – непопулярность принципа воздаяния добром за зло, то есть не платить той же монетой. Причины ее непопулярности двояки. Первое, для пуска принципа в ход требуется некоторый запас демократии, то есть именно то, чего лишены 86 % планеты. Второе, здравый смысл, говорящий жертве, что, обращая другую щеку и не платя той же монетой, она добивается, в лучшем случае, моральной победы, то есть чего-то абсолютно неосязаемого. Естественная неохота подставлять еще одну часть тела под удар, если она оправдана опасением, что такое поведение только подстрекает и усугубляет Зло; что вашу моральную победу противник может принять за свою безнаказанность.

Есть другие, более серьезные причины для опасений. Если первый же удар не выбил из головы жертвы остатки соображения, она может осознать, что подставлять другую щеку – значит манипулировать совестью обидчика, не говоря уже о его карме. Сама моральная победа может в конце концов выйти не такой уж моральной не только потому, что у страдания часто есть оттенок нарциссизма, но и потому, что оно делает жертву выше, то есть лучше, ее врага. Но как бы ни был дурен ваш враг, важно то, что он человек, а даже не умея любить другого как самого себя, мы все-таки знаем, что Зло пускает корни, когда кому-то приходит мысль, что он лучше другого. (И вот почему, в первую очередь, вас ударили по правой щеке.) Так что лучшее, чего можно добиться, подставив другую щеку врагу, это удовольствие предостеречь последнего насчет тщетности его поступка. «Смотри, – говорит другая щека, – ты бьешь всего лишь плоть. Это не я. Ты не в силах растоптать мою душу». С такой позицией одна беда: враг может просто принять ваш вызов. В Нагорной проповеди сказано: *«Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти одно с ним поприще, иди с ним два».*

Смысл этих строк следующий: зло бессмысленно, когда его запросы оказываются ничтожными по сравнению с вашей уступчивостью, обесценивающей ущерб. Это ставит жертву в весьма активную позицию, в положение духовного агрессора. Возможная здесь победа – не моральная, а экзистенциальная. Здесь другая щека не вызывает к угрызениям вражеской совести (которые ему легче легкого подавить), но показывает его чувствам и уму бессцельность всего предприятия, как это делает всякое массовое производство.

Речь идет о ситуации, где человек с самого начала занимает безнадежно проигранный позицию, где нет шанса дать сдачи, где у противника подавляющий перевес. Иными словами, речь идет о самых мрачных часах человеческой жизни. А именно, когда ощущение морального превосходства над врагом нисколько не утешает, когда этот враг зашел слишком далеко, чтобы внушать ему стыд или тоску по забытой совести, когда в распоряжении остается только собственное лицо, верхняя одежда, рубашка и пара ног, еще способных пройти поприще или два. В такой ситуации пространство для тактического маневра очень невелико. Поэтому обращение другой щеки должно быть вашим осознанным, холодным, добровольным решением. Ваши шансы на выигрыш, сколь бы скудны они ни были, целиком зависят от того, знаете ли вы, что делаете, или нет. Подставляя щеку врагу, надо знать, что это только начало испытания, как и цитаты, – и нужно вытерпеть все последствия, все три стиха из Нагорной проповеди. В противном случае вырванная из контекста строка оставит вас калекой.

Установка на взаимопонимание с другими как исходная точка любви к другим (призыв в христианстве «Любите врагов ваших» Мф. 5: 44) с практической точки зрения является утопичной. Данная установка может существовать только как хороший практический совет, ибо любовь к врагу позволяет рассматривать «Другого» как равноправного, и направлена на понимание его как «Иного» человека. Принцип реальности важен для осуществления всей полноты человеческого бытия при востребованности аскетического поведения как меры самоограничения для реализации на практике толерантности. Данное понимание зависит от «ситуативности» (М. Хайдеггер) и обусловлено «временностью» человека. На первый план выходят такие характеристики, как: нейтрализация, координация и субординация. Они способствуют существованию в обществе пространства толерантности путем ограничения выбора возможностей кругом известного и достижимого.

Как стремление к самосохранению, толерантность направлена на сохранение индивидуальности человека при его открытости всему многообразию мира. На первом месте стоит вопрос о сохранении «Я» и мира в бытии при необходимости диалога. Рамки данного диалога включают в себя нормативность права и выступают характеристикой открытого общества. Существенным здесь является модель хорошо сыгранной «команды», действующей при помощи механизмов приспособления в обществе. Данная модель основана на «взаимной терпимости» (Э. Фромм), а процесс функционирования ее (команды) базируется на действии субъектов, у которых мы наблюдаем как независимость, так и готовность к сотрудничеству.

Толерантность приемлема в границах применения ненасильственных методов. Этим характеризуется сиюминутность явленного бытия как ее цель, направленная на удержание «середины» при активном диалектическом восхождении к этой «середине». Настоящее возникает только через длящееся присутствие «Ты», и оно есть действительность протекания настоящего, встреча и отношение.

Следует обратить внимание на проблему практического решения вопросов поведения человека. Особенно это касается поведения в коллективах, в которых люди вынуждены участвовать и как-то согласовывать действия друг друга. При наличии существующего многообразия взглядов на мир и общественно-политической принадлежности. В связи с этим актуализируется вопрос о приемлемости в общественном сознании

права на инакомыслие. Речь идет о механизме или основании обучения, при котором инакомыслие не причислялось бы к разряду «ненужного», а его носители – к людям второго сорта.

Пространство между различными точками зрения и мировоззренческими позициями является условием для проявления свободы мысли и нравственного выбора. Принцип сочувствия связан с традиционным принципом – «не делай “Другому” того, чего ты не хотел бы для себя». Сочувствие начинается с проявления **интереса** к «Другим» («Другому»), а также с любопытства к **инакомыслию**. Инакомыслие всегда заслуживает интереса, а не брезгливого презрения, свойственного еще стоикам. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на любви к людям. На первое место выдвигается «любовь к своей среде обитания, дающая ощущение ценности бытия» (Ю. А. Шрейдер) [2]. Эта мысль усиливается следующим положением А. С. Панарина: «Порядок **технологический**, порожденный эгоцентричной волей к власти, должен быть заменен **эротическим** (в античном смысле слова), вытекающим из чувства нашей интимной сопричастности природному и культурному окружению. Смысл и Любовь теснейшим образом взаимосвязаны: Любовь создает презумпцию осмысленности – внутренней гармонии того, на что она направлена; эта установка, в свою очередь, помогает нашему постижению внутренней гармонии другого, и чем более мы проникаемся ею, тем более ангажированными и ответственными оказываемся, укрепляя свою причастность» [3].

Литература

1. Валеев Д. Ж. О моделях этического поведения в различных сферах человеческой деятельности // Социально-гуманитарные знания, 2002. – № 2. – С. 205.
2. Шрейдер Ю. А. Этика. – М.: Текст, 1998. – С. 137.
3. Панарин А. С. Смысл истории // Вопросы философии. 1999. – № 9. – С. 12.